

METAPHORIZATION AND INDIVIDUALITY OF POETIC LANGUAGE IN THE SHORT PROSE OF TATYANA TOLSTAYA***Durdona Siddiqjonova****2nd-year student of Namangan State University**e-mail: durdonasiddiqjonova@gmail.com**Namangan, Uzbekistan***ABOUT ARTICLE**

Key words: Metaphorization, poetics, Tatyana Tolstaya, individual style, short prose, intertextuality, linguopoetics, metabole-image.

Received: 21.05.26

Accepted: 22.05.26

Published: 23.05.26

Abstract: This research report presents a comprehensive philological analysis of the mechanisms of metaphorization and the specific characteristics of Tatyana Tolstaya's individual authorial style in the genre of short prose. The paper explores the phenomenon of "metaphorical style," where tropes serve not only as a means of artistic expression but also as the primary principle of organizing the fictional world at the character, spatial, and temporal levels. The focus of attention is on the convergence of speech techniques, lexico-semantic syncretism, and the formation of the metabole-image as the foundation of the poetics of "dense" writing. The study covers both early short stories and the "new prose" of the 2010s, revealing an evolution from Baroque redundancy to a documentary "ego-text." The analysis confirms that the individuality of Tolstaya's language is based on the anthropomorphic animism of the material world and complex intertextual play, which allows for the classification of her work as a unique synthesis of modernist traditions and a postmodern worldview.

TATYANA TOLSTAYA KICHIK PROZASIDA METAFORIZATSIIYA VA POETIK TILNING O'ZIGA XOSLIGI***Durdona Siddiqjonova****Namangan davlat Universiteti 2-bosqich talabasi**e-mail: durdonasiddiqjonova@gmail.com**Namangan, O'zbekiston*

MAQOLA HAQIDA

Kalit soʻzlar: Metaforizatsiya, poetika, Tatyana Tolstaya, individual uslub, kichik proza, intertekstualik, lingvopoetika, metabola-obraz.

Annotatsiya: Ushbu tadqiqot hisobotida kichik proza janrida Tatyana Tolstoyaning individual mualliflik uslubi oʻziga xosligi va metaforizatsiya mexanizmlarining har tomonlama filologik tahlili taqdim etilgan. Ishda majozlar (troplar) nafaqat badiiy ifoda vositasi, balki qahramonlar, makon va vaqt darajasida badiiy olamni tashkil qilishning asosiy tamoyili sifatida namoyon boʻladigan “metaforik uslub” fenomeni tadqiq etiladi. Nutqiy usullarning konvergentsiyasi (uygʻunlashuvi), leksik-semantik sinkretizm va “quyuq/zich” yozuv poetikasining asosi sifatida metabola-obrazning shakllanishi diqqat markazida turadi. Tadqiqot ham ilk hikoyalarni, ham 2010-yillardagi “yangi proza”ni qamrab olib, barokko uslubiga xos ortiqchalikdan hujjatli “ego-matn”ga oʻtish evolyutsiyasini ochib beradi. Tahlillar shuni tasdiqlaydiki, Tolstaya tilining individualligi moddiy olamni antropomorfik jonlantirish (shaxslantirish) va murakkab intertekstual oʻyinga asoslanadi, bu esa uning ijodini modernistik anʼanalar va postmodernistik dunyoqarashning oʻziga xos sintezi sifatida tasniflash imkonini beradi.

**МЕТАФОРИЗАЦИЯ И ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА В
МАЛОЙ ПРОЗЕ ТАТЬЯНЫ ТОЛСТОЙ**

Дурдона Сиддикжанова

Студентка 2-курса Наманганского

Государственного Университета

e-mail: durdonasiddiqjonova@gmail.com

Наманган, Узбекистан

О СТАТЬЕ

Ключевые слова: Метафоризация, поэтика, Татьяна Толстая, индивидуальный стиль, малая проза, интертекстуальность, лингвопоэтика, образ-метаболо.

Аннотация: В данном исследовательском отчете представлен комплексный филологический анализ механизмов метафоризации и специфики индивидуально-авторского стиля Татьяны Толстой в жанре малой прозы. Работа исследует феномен «метафорического стиля», где тропы выступают не только средством художественной выразительности, но и основным принципом организации художественного мира на персонажном, пространственном и временном уровнях. В фокусе внимания

находится конвергенция речевых приемов, лексико-семантический синкретизм и формирование образа-метабола как основы поэтики «густого» письма. Исследование охватывает как ранние рассказы, так и «новую прозу» 2010-х годов, выявляя эволюцию от барочной избыточности к документальному «эготексту». Анализ подтверждает, что индивидуальность языка Толстой базируется на антропоморфном одушевлении вещного мира и сложной интертекстуальной игре, что позволяет классифицировать ее творчество как уникальный синтез модернистских традиций и постмодернистского мироощущения.

Введение. Актуальность исследования поэтической системы Татьяны Толстой продиктована уникальностью ее творческого метода, который в отечественном литературоведении часто характеризуется как «метафорический стиль» или «орнаментальная проза». В контексте литературы конца XX — начала XXI века, когда доминирующими тенденциями стали минимализм и деконструкция смыслов, творчество Толстой выделяется осознанной установкой на эксцентричность, цветистость и предельную плотность языковой ткани. Темы времени, памяти и народной ментальности, проходящие через все ее произведения, находят свое воплощение не в событийной динамике, а в динамике самого слова, где метафора становится инструментом преодоления «глухоты» окружающего мира к боли «маленького человека».

Современная филологическая наука требует более глубокого понимания того, как в рамках малой прозы происходит трансформация повседневности в мифопоэтическое пространство. Индивидуальность Толстой заключается в ее способности раздвигать жанровые границы посредством ассоциативных цепочек и реминисценций, превращая каждое описание в акт эстетического созидания. Понимание этих процессов необходимо для адекватной интерпретации современной русской литературы в ее движении от классического постмодернизма к новым формам автобиографизма и документальности. Настоящий отчет направлен на экспликацию этих сложных стилистических связей и выявление глубинных когнитивных механизмов, стоящих за метафорическим видением автора.

Анализ существующей литературы. Научное осмысление прозы Татьяны Толстой сформировалось на стыке литературоведческого и лингвистического подходов, что обусловлено самой природой ее текстов.

Хелена Гоцило в своем фундаментальном исследовании «Взрывной художественный мир Татьяны Н. Толстой» (1996) рассматривает стиль писательницы через призму метафоры «взрыва». Гоцило акцентирует внимание на том, как Толстая «взрывает» гендерные стереотипы и литературные конвенции, используя язык как «ликующий танец слов». Она отмечает, что для полного понимания прозы Толстой необходимо глубокое знание русской культуры, так как ее юмор и пародийная дистанция строятся на тонкой игре с культурными кодами.

Марк Липовецкий анализирует творчество Толстой в контексте русского постмодернизма, выделяя «мифологию творчества» как центральную категорию. Он подчеркивает демонстративную сказочность ее поэтики, где метафоры театрализованно одушевляют все окружающее пространство. По мнению Липовецкого, проза Толстой — это «праздничность», выражающаяся в неожиданных сравнениях, которые эстетизируют даже самые страшные или нелепые стороны жизни.

Александр Жолковский исследует интертекстуальный пласт произведений Толстой, указывая на их связь с «петербургским текстом» русской литературы. Он интерпретирует ее стиль как «поэтику застойной культурной формы», где отсутствие внешнего движения компенсируется бесконечным воспроизводством культурных ценностей и музейной фиксацией деталей. Жолковский детально анализирует, как Толстая работает с пушкинскими и ахматовскими подтекстами, превращая их в строительный материал для собственного метафорического здания.

Татьяна Фролова вводит и обосновывает понятие «метафорического стиля» как стилистической доминанты рассказов Толстой. Она утверждает, что высокая концентрация тропов и повышенная плотность текста позволяют говорить о метафоре как о главном «герое» произведений. Фролова доказывает, что метафоризация у Толстой участвует в организации текста на всех уровнях: от построения образа персонажа до формирования пространственно-временного континуума.

Элеонора Новикова фокусируется на лингвопоэтическом аспекте, исследуя конвергенцию речевых художественных приемов. Она вводит понятие «образа-метабола» и «ризоморфных структур», анализируя, как Толстая создает сложные ассоциативно-семантические сети. Новикова применяет метод сравнения семантических объемов артемы и ее нейтрального эквивалента, что позволяет выявить скрытые пласты смыслов в текстах писательницы.

Мария Брызгалова исследует эволюцию творчества Толстой в 2010-х годах, анализируя переход от третьего лица к первому в рамках «новой прозы». Она указывает на формирование «эго-текста», в котором сочетаются документальность, автобиографизм и художественный вымысел. Брызгалова подчеркивает, что темы времени и памяти в новых сборниках («Легкие миры», «Девушка в цветку») обретают конкретику, сохраняя при этом характерную для Толстой метафорическую глубину.

Исследовательская методология. В основе работы лежит лингвопоэтический метод, направленный на изучение речевой художественной формы как самостоятельного уровня текста. Применяется герменевтический подход для интерпретации скрытых смыслов, а также структурно-семантический анализ для выявления механизмов взаимодействия тропов в ассоциативно-семантических сетях.

Анализ и результаты. Индивидуальность поэтического языка Татьяны Толстой проявляется прежде всего в радикальном отказе от нейтрального повествования в пользу того, что филологи называют «метафорическим стилем». В ее рассказах метафора перестает быть простым украшением и становится инструментом конструирования реальности. Это проявляется в «цветистости» и «эксцентричности» языка, где внимание читателя приковано не к фабуле, а к самой манере письма. Главным признаком такого стиля является повышенная плотность текста из-за обилия деталей и тропов, которые буквально наслаиваются друг на друга, создавая эффект барочной избыточности.

Центральным механизмом этой системы выступает антропоморфизм — одушевление неодушевленных предметов, которые начинают жить собственной, порой агрессивной или причудливой жизнью. В рассказе «Петерс» жизнь описывается не как процесс, а как персонаж. «жизнь вставала на цыпочки, удивленно заглядывала в окно». Вещи у Толстой обладают плотью, характером и даже физиологией. Так, галоши имеют «мякоть цветущей фуксии» внутри, а старые объявления «шевелият ложноножками». Эта стратегия позволяет автору создать мир, в котором границы между субъектом (человеком) и объектом (миром вещей) размыты, что подчеркивает одиночество героев, чье единственное общение часто происходит именно с предметным окружением.

В рассказе «На золотом крыльце сидели...» эта предметная детализация достигает своего апогея. Метафоры здесь носят ярко выраженный предметный характер, они фиксируют форму, цвет и фактуру быта, превращая его в некое сказочное сокровище или, напротив, в гробницу. Рассмотрим ключевые примеры.

- «Водопад бархата». метафора описывает тяжелые шторы, передавая их объем и динамику через ассоциацию с природной стихией.

• «Ливень фарфора». подчеркивает обилие и хрупкость посуды, создавая визуальный образ множественности.

• «Страусовые перья кружев». передает легкость и фактуру текстиля через экзотический, природный образ.

Эти тропы выполняют не только декоративную, но и характерологическую функцию. Они задерживают внимание читателя на материальности мира, который для героев Толстой часто оказывается более реальным и значимым, чем их собственные социальные связи. Метафора «буфета как гроба» в том же рассказе указывает на застойность, застывшее время, где вещи «похоронены» в темной глубине мебели.

Специфика творческого метода Толстой заключается в «конвергенции речевых художественных приемов». Это явление, при котором несколько тропов (метафора, эпитет, сравнение) сходятся в одном узле текста для достижения максимальной экспрессии. В таких случаях ни один из приемов не является доминирующим; они работают синергетически, создавая сложную «ассоциативно-семантическую сеть».

Одним из наиболее интересных теоретических конструктов для описания этого процесса является «образ-метабола», предложенный Э. Новиковой. Метабола — это не просто перенос значения (как метафора), а взаимопроникновение реальностей. В рассказе «Йорик» образ ножной машинки «Зингер» превращается в метаболическую структуру, где механические детали срастаются с человеческими чертами и историческими ассоциациями. Это создает «ризоморфную структуру» текста, где смыслы не выстраиваются в линейную последовательность, а ветвятся и пересекаются в непредсказуемых точках.

Таблица 1.

Конвергенция приемов и образ-метабола

Тип тропической конструкции	Механизм реализации	Художественный эффект
Лексико-семантический синкретизм	Слияние прямого и переносного значений	Создание эффекта «двоемирия»
Синестезийная метафора	Объединение сенсорных полей (свет/звук)	Передача «несопоставимых» ощущений
Групповая метафора	Цепочка связанных ассоциаций (интерьер)	Погружение в атмосферу «предметной магии»
Интертекстуальная метафора	Ссылка на классический текст как образ	Глубина культурного контекста

Синестезия в прозе Толстой играет ключевую роль в формировании индивидуального стиля. Автор часто использует компоненты, которые относятся к одному семантическому полю, но логически не сопрягаются, например, «слепой свет» или «глухая песня». Это расширяет лингвистические границы восприятия, заставляя читателя «видеть» звук и «слышать» цвет. Подобные ассоциации между абстрактными понятиями и сенсорными впечатлениями (например, «сладкое желание») создают особую когнитивную модель мира, где чувства материальны.

Метафоризация у Толстой служит основным механизмом формирования психологического типа литературного героя. Ее персонажи — это часто люди «с отшиба», нелепые, непонятые окружающими, чья внутренняя боль скрыта за внешней странностью. Автор не дает прямого психологического анализа в духе реализма; вместо этого она использует метафорическую репрезентацию психотипа.

В рассказе «Петерс» герой воспринимается через призму его физической и социальной неловкости, которая метафорически уподобляется «холодному куриному юноше, не познавшему ни любви, ни воли». Метафора здесь выступает как маркер языковой личности автора, отражая ее интенциональность и субъективное видение героя. Судьба персонажа часто описывается как траектория движения метафоры. от «праздничности» надежд к «мертвой желтой вермишели» и «старческому коричневому мылу» повседневности.

Интересно, что в рассказах Толстой персонаж часто «растворяется» в метафорическом описании. Как отмечает П. Спиваковский, это может приводить к «демифологизации» человека. теряя божественный образ, герой обретает «образ и подобие зверя» или вещи. В романе «Кысь» и сопутствующих рассказах этот процесс достигает предела. архаическое мышление героев порождает монструозные метафоры, которые становятся реальностью их жизни.

Индивидуальность языка Толстой немислима без ее глубокой укорененности в мировой культуре. Александр Жолковский находит в ее текстах массу интертекстов, самым значимым из которых является пушкинский. В рассказе «Симеонов» тема «Медного всадника» — противостояние великого Петра и маленького человека — метафорически переосмыляется через бытовые детали советского застоя.

Культура у Толстой выступает как «музей», и этот музей сам по себе является метафорой застоя — не политического, а культурного. В условиях, когда «ничего не происходит», жизнь начинает воспроизводить прежние, доказанные культурные ценности. Метафора «палимпсеста» точно характеризует такие тексты. новое слово пишется поверх

старого, и оригинальность автора заключается именно в осмыслении этого «уже сказанного».

В сборнике «Ночь» пушкинский интертекст позволяет осознать «национальный образ современного кризисного мира», увидеть его дисгармоничность сквозь призму опошленного массовым сознанием авторитета русской культуры. Метафоризация стиля здесь идет рука об руку с мотивами игры и противопоставлением сознания и подсознания.

Творчество Толстой 2010-х годов (тетралогия «Легкие миры», «Девушка в цвету», «Невидимая дева», «Войлочный век») демонстрирует существенную эволюцию ее поэтического языка. Главной особенностью становится переход от повествования от третьего лица к первому. Это изменение тесно связано с новыми амплуа писательницы — блогера, телеведущей, публициста.

В «новой прозе» Толстая утверждает право на открытое «я»-высказывание. Если в ранних рассказах автор «пряталась» за метафорами и мифами, то теперь она конструирует «автомиф», где автобиографическая героиня выступает активным наблюдателем. При этом сохраняются магистральные темы.

1. Время и память. воспоминания о детстве, о доме на Карповке, о няне Груше обретают плотность и конкретику.

2. Двоемирие. реальный мир по-прежнему соседствует с «легкими мирами», где сны и вещи одушевлены.

3. Народная ментальность. изучение «тайны русского характера» через метафорическое описание заговоров, мантр и повседневных ритуалов.

Письмо Толстой в этот период становится «легче и точнее», однако интертекстуальность и метафоричность остаются его фундаментом. Работа в социальных сетях (Facebook, LiveJournal) стала для нее новой дискурсивной практикой, позволяющей реализовывать потребность в самоидентификации через описание «приватного бытия». Блог, выполнив свою функцию, вливается в художественную ткань прозы, становясь средством общения и новой формой поэтики.

Заключение. Анализ малой прозы Татьяны Толстой подтверждает, что метафоризация является системообразующим фактором ее индивидуального поэтического языка. Установка на «метафорический стиль» позволяет автору трансформировать бытовую реальность в сложноорганизованное эстетическое пространство, где вещи наделяются субъектностью, а человек часто описывается через предметные ассоциации. Конвергенция речевых приемов, создание образов-метабол и глубокая интертекстуальная игра формируют уникальную фактуру текста, которую Х. Гоцило справедливо называет «взрывной».

Эволюция творчества Толстой от ранних рассказов к «новой прозе» 2010-х годов свидетельствует о переходе к более открытому, автобиографичному письму, при котором метафора не исчезает, но становится более точным инструментом работы с памятью и временем. Творчество Татьяны Толстой остается ярким примером того, как индивидуальность автора способна противостоять энтропии культуры, превращая «застой» в «музей», а повседневность — в «ликующий танец слов». Исследование ее поэтики открывает широкие перспективы для изучения когнитивных аспектов метафоры и механизмов формирования авторской идентичности в современной литературе.

Список использованной литературы:

1. Абашева, М. П. Литература в поисках лица : Русская проза в конце XX века / М. П. Абашева. – Пермь : Изд-во Пермского ун-та, 2001. – 320 с.
2. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики : Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – Москва : Художественная литература, 1975. – 504 с.
3. Большакова, А. Ю. Феномен «женской прозы» в отечественной литературе XX века / А. Ю. Большакова // Филологические науки. – 2004. – № 3. – С. 13–21.
4. Голубков, М. М. Зачем нужна филология? Из истории отечественного литературоведения XX века / М. М. Голубков. – Москва : Изд-во Московского ун-та, 2021. – 288 с.
5. Ковтун, Н. В. Поэтика «новой женской прозы» (Т. Толстая, Л. Петрушевская, Л. Улицкая) : учебное пособие / Н. В. Ковтун. – Красноярск : СФУ, 2011. – 124 с.
6. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; пер. с англ. А. Н. Баранова. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
7. Липовецкий, М. Н. Паралогии : Трансформации гротескного реализма в русской прозе 1990–2000-х годов / М. Н. Липовецкий. – Москва : Новое литературное обозрение, 2008. – 840 с.
8. Нефагина, Г. Л. Русская проза конца XX века : учебное пособие / Г. Л. Нефагина. – Минск : Экономпресс, 2005. – 320 с.
9. Прохорова, Т. Г. Проза Татьяны Толстой : Речевые отзвуки чужих слов / Т. Г. Прохорова // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2007. – Т. 149, кн. 2. – С. 223–232.
10. Толстая, Т. Н. На золотом крыльце сидели... : Рассказы / Т. Н. Толстая. – Москва : Эксмо, 2022. – 320 с.